

ки... Снежинка медленно растаяла. А они все еще продолжали смотреть на каплю, дрожавшую на теплой ладони...»

Прекрасное по своей поэтичности, исполненное глубочайшего смысла стихотворение в прозе, о котором так хорошо написал в свое время В. Ермаков.

Автор и театр захотели перенести его на сцену, но не задумались над тем, как передать мысль о «чуде», о «блестательной советской зиме» театральными средствами, как создать на сцене, а значит, и в зрительном зале, атмосферу, настроение этого замечательного отрывка. И они поплы по пути примитивной иллюстрации. У колодца в темных катакомбах — Валя, Петя, Раиса Львовна.

Валя. Наверху зима.

Петя. Снегу, небось, намело, ух ты!

Валя. Смотри, снежинка залетела.

Петя. Ух ты, на рукав села. Какая большая. Как под микроскопом.

Валя. Чудо с того света. (Рассматривают снежинку). Растаяла.

Поэтическая снежинка стала в спектакле бытовой деталью... В это время сверху доносятся звуки, выстрелы, и по канату спускается вниз Леонид Цимбал. Слова о снежинке потеряли тот смысл, которым они полны в романе, чудом «с того света» оказался Лень Цимбал, вернувшийся с трудного задания.

Конечно, есть в спектакле иллюстративные сцены и более удачные, выражающие смысл событий. Если б можно было представить себе книгу, где вместо гравюр и литографий будут живые картины, то, читая роман В. Катаева, мы не раз задержали бы свой взгляд на сценах из мхатовского спектакля. Однако это — слабое утешение. Театр, ставя пьесу или инсценировку романа (это все равно!), лишь тогда оправдывает свое назначение, когда выступает самостоятельным художником.

И вот вопросы, которые на устах у всех, кто по-настоящему любит МХАТ: почему в течение вот уже нескольких сезонов на мхатовской сцене не появился спектакль о нашей современной жизни, который стал бы ровнем с лучшими творениями МХАТ? Почему превосходные артисты, унаследовавшие заветы Станиславского, Немировича-Данченко, Качалова, Москвина, Тарханова, Хмелева, не открывают нам всех богатств своего таланта, не говорят о жизни свое слово, слово больших художников?

Трудно ответить на эти вопросы. Но попытаться сделать это необходимо.

Решающую роль в жизни театра играет репертуар. И мы должны предъявить суровый счет нашим драматургам,

которые создали так мало по-настоящему художественных произведений и равнодушно взирали на трудности, которые переживает Художественный театр. Писать для МХАТ — это не только творческая радость, право на которую надо завоевывать; это — художественный и общественный долг советских драматических писателей, ибо надо глубоко понять, что от их работы зависит советское театральное искусство и, в частности, искусство Художественного театра.

Но, бросая справедливый упрек нашим драматургам, нельзя не сказать, что театр не должен пассивно ждать появления новых драматических произведений, он призван строить свой репертуар, а для этого настойчиво и заинтересованно привлекать к сотворчеству наиболее близких ему писателей, внимательно следить за развитием современной драматургии. Думается, что Художественный театр в известной мере утратил эту черту, эту свою же традицию. Не говоря уже о том, что за многие последние годы он не сумел привлечь к драматургии ни одного нового писателя, руководители МХАТ прошли мимо некоторых пьес, которые, как мне кажется, могли быть с успехом поставлены на мхатовской сцене и — случись это — принесли бы радость не только зрителям, но и артистам. Если говорить о пьесах минувшего сезона, то такими мне представляются «Годы странствий» А. Арбузова, «Вешние воды» Ю. Чепурина, «Опасный спутник» А. Салынского. Конечно, это вовсе не совершенные пьесы, но они близки Художественному театру потому, думается, что населены живыми людьми, что в них верно увидена современная жизнь, что в них есть тот драматический нерв, который так хорошо чувствует Художественный театр.

Пытливые поиски нового в искусстве, острое, органическое чувство самокритики, неудовлетворенность достигнутым, потому что впереди новые художественные задачи, — вот прекрасная традиция Художественного театра, утвержденная Станиславским и Немировичем-Данченко. И очень горько, что традиция эта, столь плодотворная для всего советского искусства, в Художественном театре будто пригложла.

Художественный театр и его главный режиссер М. Кедров много и плодотворно работают над развитием сценической теории Станиславского. Совершают губительную ошибку те, кто подвергает сомнению великое значение «системы» для советского театра, кто усматривает в ней чуть ли не источник стирания художественных индивидуальностей в театре. Реалистическая теория Станиславского,

творческий метод Художественного театра — великое завоевание нашей культуры, один из краеугольных камней, на которых строится советское театральное искусство.

Надо пожелать всяческих успехов М. Кедрову и его товарищам в дальнейшем развитии «системы». Но эта теоретическая, лабораторная работа должна быть неотрывна от творческой практики театра — в этом также завет Станиславского.

Трудно представить себе, что режиссеров и артистов МХАТ не тревожит положение театра. Но кажется, что притупилось у них чувство самокритики и появилась «академическая», в плохом смысле этого слова, маститость, уверенность в своей непогрешимости.

И здесь надо говорить еще об одной причине того, почему Художественный театр переживает трудности. Мне кажется, эта причина заключается в том славословии, которое мы так нерасчетливо расточаем по адресу театра.

В самом деле: как откликнулась наша литературная и театральная общественность на трудности, которые испытывает театр, как помогла преодолеть их?

Надо признать, что мы сделали многое для того, чтобы усугубить эти трудности. Мы не хотели обидеть прославленный театр критикой и обидели его равнодушием. Глубоко неправы были, например, А. Фадеев и И. Большаков, стремившиеся на XIV пленуме правления Союза писателей оградить Художественный театр от критики. Именно так создавалась противоестественная в нашем обществе точка зрения, будто критиковать творчество замечательного театра — значит посягать на его славу. Это неверно. Заинтересованное внимание литераторов и деятелей искусства к жизни Художественного театра, готовность, стремление драматургов работать для него, дружеская требовательная критика его работы, наконец, подлинное коллективное художественное руководство в театре — вот что действительно необходимо.

Сил у него для этого более чем достаточно. Они не только в великодушных, вечно живых традициях МХАТ, но в тех замечательных своей правдой спектаклях, которые мы видим и сейчас, в совершенном творческом методе, в дарованиях больших художников сцены. А есть еще одна, огромная сила Художественного театра: любовь и уважение советских зрителей к нему, вера в его искусство.

Пожелаем же Художественному театру преодолеть трудности, вставшие на его пути. Место МХАТ — на вышке советского театрального искусства.